

Е.Н. Трикоз*

ФОРМИРОВАНИЕ СТАТУТНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА АНГЛИИ В ЭПОХУ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Во времена классического феодализма, или Высокого средневековья (период европейской истории приблизительно с 1050 по 1300 г.) происходила существенная модернизация английского права, тесно связанная как с проблемами сугубо национального характера, так и с общеевропейскими процессами глобальных преобразований.

XII–XIII столетия были периодом второго в европейской истории Ренессанса, проявившегося во всех сферах общественной жизни и охватившего многие регионы («нормандский ренессанс» и др.)¹.

Реформы английского права в этот период породили «общее право», способствовали специализации и централизации системы государственного управления, привели к росту судейского корпуса и формированию особой системы уголовно-правовых средств про-

---

* **Трикоз Е.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов.

** Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

¹ Баранов В.Ф. Возникновение и развитие английского общего права в XII – XVII веках: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

тиводействия преступности. В их числе такой древний институт, видимо привнесенный еще норманнами-завоевателями, как «*appeal of felony*» – частное обвинение в тяжком преступлении, или *фелонии*². В данном случае право начать судебное преследование предоставлялось по воле господина, вассала или родственников потерпевшего. Однако при неблагоприятном для него исходе дела сторона обвинения подвергалась серьезному денежному штрафу. Альтернативой этому частноправовому средству оставались очистительная присяга (компургация – «*wager of law*»), ордалии (англосакс. *ordol*, лат. *ordalium* – приговор), под которыми понимался «Божий суд», а именно испытания огнем и водой, проводившиеся под надзором священнослужителей римской католической церкви, а также использовался судебный поединок (вооруженное противоборство между истцом и ответчиком) как способ разрешения частных тяжб³.

При короле Генрихе I (1100–1135) в систему публично-правовых средств борьбы с преступностью была введена процедура обязательной доставки чиновниками сотен и графств лиц, подозреваемых в тяжких преступлениях, к месту нахождения разъездных судей (ранняя форма процедуры «*habeas corpus*»)⁴.

---

² Изначально этот термин (от старофр. *felonie* – «зло, предательство, грех») означал проступок вассала, наносивший ущерб чести и достоинству его сеньора, или же наоборот – правонарушение сеньора по отношению к вассалу; причем такое серьезное преступление каралось лишением феода или переходом вассала с его феодем в непосредственную зависимость от высшего сеньора.

³ Судебный поединок появился в Англии после нормандского завоевания и к концу XIII в. практически не употреблялся, за исключением процессов по приказу о праве («*breve de recto*», «*brief de dreit*») в сеньориальных судах. К тому же IV Латеранский собор в 1215 г. упразднил судебные испытания и отменил поединки для клириков.

⁴ «*Habeas corpus act subjiciendum*» – латинская формула в начале текста судебного приказа, который суд адресовал шерифу или тюремному начальнику с требованием доставки арестованного судье в ближайший округ.

Но свой подлинный и завершённый вид государственная политика борьбы с преступлениями начинает принимать в эпоху издания королевских ассиз⁵ Генриха II Плантагенета (1154–1189).

Так, его «Кларендонская ассиза» 1166 г. произвела важный переворот в уголовной политике королевского совета. Здесь впервые содержалось положение о судебном преследовании «бродяг»: запрет горожанам под угрозой ареста предоставлять какому-либо бродячему человеку (*vaivus*), то есть бродяге (*vagus*), пристанища в бургах более чем на одну ночь (ст. 15); после истечения этого срока бродяга должен быть арестован (*capiatur*) и содержаться в заключении (*teneatur*) до тех пор, пока не явится его сеньор (*dominus*) или пока он не найдет надежных поручителей (ст. 16)⁶.

По мнению П.Г. Виноградова, система свободного поручительства («*francoplegium*», или «*frank pledge*»), имевшая дофеодалное происхождение как система круговой поруки, действительно способствовала борьбе с преступностью⁷. Так, в сотнях бейлифы два раза в год объезжали деревни, проводили проверку «свободного поручительства», то есть проверку состава десятков сельского населения, каждый из которых был ответственен за поведение членов соответствующего десятка. В частности, по заявлению бейлифа разъездные судьи могли наложить на сотню или отдельную деревню особый штраф – «*murdrum*», если на их территории было обнаружено мертвое тело и жители данной местности не могли указать виновного или умышленно его укрывали. Иногда сами королевские шерифы могли допрашивать группы взаимно поручившихся людей о скрываемых преступлениях и налагать денежные штрафы.

Важным результатом реформ Генриха II стала передача полномочий местной юрисдикции по уголовным делам в сферу коро-

---

⁵ Ассиза – это законодательный акт короля, который первоначально лишь минимально уточнял известные обычаи и феодальные нормы; это также заседание королевской курии; коллегия присяжных, устанавливающих фактическую сторону дела; само решение суда или исковое заявление (например, *assisa novae disseisinae*).

⁶ Текст см.: Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. и введение Д.М. Петрушевского. М., 1936. С. 60.

⁷ Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford. 1892. P. 66.

левской юрисдикции, чему в немалой степени способствовало придание регулярного и официального характера практике суда присяжных⁸. Так, в той же «Кларендонской ассизе» был очерчен круг уголовных преступлений, обвинение в совершении которых входит в сферу королевского правосудия: разбой, тайное убийство или грабеж либо укрывательство данных преступлений (ст. 1); была четко зафиксирована процедура выдвижения обвинения и применения мер пресечения (ст. 2–4), отдельные положения процедуры «*habeas corpus*» (ст. 4, 6) и рассмотрения дела по существу разъездными судьями с участием другой комиссии присяжных (ст. 2, 5 и др.). Содержались также некоторые гарантии объективного судебного рассмотрения и неотвратимости уголовного наказания. Так, если присяжные скрывали преступление или делали нелепое, ложное заявление под присягой, королевские судьи налагали на них денежные штрафы.

Таким образом, наряду с институтом «*appellatores*», т.е. обвинителей, возбуждающих обвинение в частном порядке, получила распространение практика *indictment* – возбуждения обвинения шерифом или королем в результате показаний обвинительных присяжных («*jury of presentment*» или «*grand jury*»). В результате шериф получал особый приказ «*venire facias*», т.е. предписание доставить в суд лицо, подозреваемое в уголовном преступлении на основании показаний присяжных, и произвести конфискацию имущества и земель подозреваемого, если они находятся в подчиненном ему графстве.

В «Кларендонской ассизе» 1166 г. также было положено начало серии королевских предписаний об объявлении вне закона лиц, скрывающихся от уголовного правосудия. В частности, подвергались аресту лица, бежавшие из другого графства, где они были обвинены в грабеже, разбое, тайном убийстве или их укрывательстве, либо в нарушении законов о королевских лесах или же объявлены вне закона (ст. 17).

Всем шерифам предписывалось составлять списки «беглых» и объявлять их на собраниях графств и разъездным судьям, чтобы

---

⁸ Хатунов С.Ю. Обычай как источник уголовного права в феодальной Англии // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион: Прил., Общественные науки. Ростов н/Д., 2003. № 6. С. 81–87.

они разыскивались по всей Англии, а имущество их было конфисковано в пользу короля (ст. 18)⁹. Впоследствии был издан особый Ордонанс о дубинщиках (*Ordinatio de trailbaston*) 1305 г., касавшийся всяких скрывающихся от правосудия нарушителей закона, главным образом грабителей, которым было запрещено давать убежище и которые должны были подвергаться изгнанию, что по сути снова толкало их на путь разбоев.

Становление в средневековой Англии королевской юрисдикции по уголовным делам напрямую было связано с процессом борьбы с феодальными иммунитетам¹⁰. Английские лорды-иммунитеты имели следующие привилегии: получение денежного штрафа, наложенного королевскими судьями на вассала лорда; право конфискации имущества вассалов лорда, совершивших фелонию; право иметь в своей деревне виселицу для быстрой расправы над ворами, пойманными с поличным; право иметь позорный столб; право преследоваться по суду только королем или главным королевским юстициарием¹¹. Но ассизы короля Генриха II нанесли первый удар по жесткой судебной зависимости свободных держателей и рыцарей от сеньориальной курии, так как они получили право подавать уголовные иски непосредственно в королевский суд¹².

Постепенное развитие этих положений привело к их официальному закреплению в Великой хартии вольностей 1215 г. На первый взгляд это выглядит парадоксально, если исходить из общей оценки данного акта Иоанна Безземельного (1199–1216) как договора о самоограничении короны в пользу английских феодалов. Известно, что король лишь приложил свою печать к тексту

---

⁹ Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. и введение Д.М. Петрушевского. М., 1936. С. 60, 62.

¹⁰ См. подробнее: Гутнова Е.В. Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I // Доклады и сообщения истор. фак-та МГУ. М., 1947. № 6.

¹¹ Марчанукова Д.Э. Иммунитетные права феодалов в Англии в период правления Эдуарда I: правооснование, процедура проверки, виндикация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 12–13.

¹² Святовец О.А. проблемы королевской власти в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии» // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 1997. № 4. С. 41–46.

«*Capitule que barones petunt*» (39 баронских статей) и подписал спустя четыре дня отредактированный текст «*Magna carta*».

Однако и сегодня все еще непросто дать однозначную оценку юридической природы этого великого документа. В подтверждение тому укажем лишь некоторые точки зрения, имеющие место в научной литературе: это «октроированная хартия», «жалованная грамота» (ст. 61 указывает на это фразой *omnia predicta concesserimus* – «все вышеназванное пожаловано»); это договор с сословиями, скрепленный клятвенным обещанием (ст. 1); это подобие немецких «статутов о мире», своеобразный мирный договор (ст. 61 и 62 упоминают эпитет *pacem reformatum*); это экстраординарный общегосударственный закон, инициированный не центральной властью, а ее оппонентами; это детальный свод феодальных «вольностей» (прав по фьефным контрактам, иммунитетных привилегий и древних англосаксонских неприкосновенных прав и свобод); это своего рода систематизация и запись древних обычаев и одновременное включение норм феодального (фьефного) права в сферу публичного права Англии¹³. Кроме того, нельзя не учитывать значение исторической перспективы, в контексте которой и через прогрессивную интерпретацию Великая хартия вольностей 1215 г. приобрела характер политического манифеста, своего рода феодальной декларации прав, а также значение юридического и политического пролога Английской революции середины XVII в.

Если исходить из целей, которые непосредственно преследовали создатели сего документа в 1215 г., то бесспорно важнейшей из них была задача сбалансировать права и привилегии короны и крупных иммунитетов, зафиксировать феодальные обязанности коронных вассалов и подтвердить права короны, закрепленные феодальным обычаем и законом (в частности, ассизами Генриха II).

---

¹³ Обзор см. в: Чиркин С.В. Великая хартия вольностей 1215 г. // Документы по истории зарубежного права / Под ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 1987. С. 106, 109–110. См. также: Есаян Э.С. Великая хартия вольностей и ее место в истории английского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1988.

Для нашего исследования особое значение имеют статьи Великой хартии о разграничении уголовной юрисдикции между королем и отдельными магнатами¹⁴, направленные по сути как первоначальные меры на унификацию системы королевского суда.

Уже к XII в. в Англии сложилась практика, когда всякая частная юрисдикция могла быть лишь результатом королевского пожалования и должна была опираться на его хартию, кроме права феодала держать манориальную курию и курию для свободных («суд пэров»). Но помимо этих двух исключений унификации королевского правосудия и созданию единых процессуальных норм («*suit of court*») мешали еще две феодальные оговорки – *privilegium fori* («привилегия духовенства») и *exemptio villenagii* («исключение вилланства»).

О «суде пэров» (лат. *pares*, англ. *peers* – «равные») как феодальном суде «свободной курии» говорится в ст. 21, 22, 39, 56 и 59 Великой хартии. Такому суду подлежали только представители высших сословий средневекового английского общества. Так, ст. 21 подтверждала привилегию судиться у «своих пэров» (*per pares suos*) за графами и баронами. Вассалы феодалов судились в местных, сеньориальных куриях, которые созывались из других вассалов во главе с сеньором и в которых в отличие от королевских судов не участвовало жюри присяжных. Споры между баронами короля разбирались в особой Королевской курии (*Curia Regis*). В ст. 56 и 59 Хартии говорилось о праве уэльсцев на законный приговор их пэров в Англии или Уэльсе (*legali iudicio parium suorum*), а также о праве короля Шотландии, его родственников и плененных шотландцев на «суд их пэров в курии нашей» (*iudicium parium suorum in curia nostra*).

Наконец, знаменитая ст. 39 Хартии закрепила за любым свободным человеком (*liber homo*) право на «законный приговор равных его [его пэров]» (*per legale iudicium parium suorum*).

---

¹⁴ Если исходить из текста ст. 14 ВХВ и анализировать социальный состав первых английских парламентов XIII в., то категория «магнаты» включает архиепископов, епископов, аббатов-держателей короля *per baronium*; эрлов (графов), которых всего было 11 (в 1283 г. присоединился 12-й – принц Уэльский), и непосредственных держателей короля *in capite*, среди которых выделялись старшие бароны (*barones majores*).

Собственно формулировка «*legale iudicium*», встречающаяся еще в нескольких статьях Великой хартии, по сути своей была воплощением принципа «верховенства права»¹⁵. Особо дискутируемой в литературе является концовка ст. 39 – «*vel per legem terre*»¹⁶. Нас интересует в данном случае трактовка формулы «закон (или право) страны» (*law of the land*)¹⁷. В научной литературе встречаются четыре основные точки зрения по этому вопросу.

Первая версия, что «*lex terre*» – это общее право (*common law*) прежде всего в территориальном отношении, которое уже к середине XIII в. действовало почти на всей территории Англии. Долгое время в Уэльских марках господствовали свои «обычай марки», представлявшие собой смесь местных и английских норм обычного права, но после завоевания Уэльса в 1284 г. «*common law*» было официально введено и там.

Вторая версия, что «*lex terre*» – это «право страны», совокупность канонических обычаев, которые применялись в местном масштабе, в отличие от «*jus commune*» как общего канонического права, которое применялось в церковных судах всего христиан-

---

¹⁵ Английский термин «*principle of legality*», или «*rule of law*» отличается от континентального правила «*rule by law*». Он относится скорее лишь к законности судебного решения и согласно классической формулировке А. Дайси означает, что «никто не может быть подвергнут наказанию иначе, как за явное нарушение права, установленное надлежащим судом». Цит. по: Грюнхут М. Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М., 1961. С. 246.

¹⁶ Несмотря на то, что наиболее распространенным переводом является «и по закону страны» (Д.М. Петрушевский и др.), более верным является придание союзу «*vel*» характера разъединительного (С.В. Чиркин, В.А. Томсинов), тогда, в частности, нет дублирования в статье («*legale iudicium*» или «*legem terre*»).

¹⁷ В латинском варианте текста Великой хартии 1215 г. встречается несколько терминов для обозначения категории «право»: «*se jus*» («свое право» – ст. 53), «*rectum*» («право» – ст. 40), «*antiquo et de jure*» («издревле по праву» – ст. 23), «*legem terre*» («закон страны (земли)» – ст. 39, 55), «*legem regni*» («закон королевства» – ст. 42, 45), «*leges partes*» («законы местностей» – ст. 57), а также «*legem Anglie*» («английское право» – ст. 56), «*legem Wallie*» («уэльское право» – ст. 56) и «*legem marchie*» («право марки» – ст. 56).

ского мира, как и римское право, являющееся тоже «*jus commune*» как совокупность теоретических принципов и норм, действующих повсюду¹⁸.

Третья версия, что «*lex terre*» – это феодальный обычай (обычай отдельных земель, фьефов и маноров), противопоставленный общему праву королевских судов – «*jus commune*» (все нормы гражданского и уголовного права и судопроизводства). Однако в XIII–XIV вв. только манориальные суды, ведавшие вилланскими исками, действовали еще на основе местного обычного права и рассматривали дела по «обычаям манора». С.В. Чиркин считает, что при сопоставлении фразы «*lex terre*» (право страны) с этим же термином в ст. ст. 23, 42 и особенно 45 есть основания предполагать, что речь идет об «общем праве», основанном на обычаях, но уже включавшем в свои предписания законодательство королей Англии¹⁹.

Четвертая версия, что «*lex terre*» – это процессуальное законодательство, «право процедуры», так как статья 39 в целом посвящена судебнo-процессуальным аспектам и в частности «приказному праву» короны²⁰. Участникам потенциального судебного процесса по уголовному делу предоставлялась таким образом возможность выбора между сословным судом пэров (судом своей курии) и королевским правосудием²¹. Речь шла именно о свободе

---

¹⁸ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 428.

¹⁹ Чиркин С.В. Указ. соч. С. 118.

²⁰ Как отмечает С.В. Чиркин, уже в период 1331 – 1363 гг. английский парламент путем толкования придал статье 39 Великой хартии почти современное звучание. Так, «законный приговор равных» интерпретировался как «судебная процедура с участием жюри присяжных»; формула «закон страны» – «надлежащая правовая процедура»; слова «ни один свободный человек» были заменены сначала словом «никто», а затем – «ни один человек, какого бы сословия или состояния он ни был». Чиркин С.В. Указ. соч. С. 124.

²¹ В отношении споров по земельным делам уже в конце XII в. сеньориальные суды, обладавшие правом собрания графства или правом «*placita coronae*», а также обычные курии для свободных не могли принимать исков без соответствующего приказа из королевской канцелярии с точно установленными процессуальными нормами.

выбора, так как ст. 34 хартии запрещала выдавать приказа «*Praecipere quod reddat*», если вследствие этого свободный человек мог потерять свою курию.

В целях унификации уголовной политики государства и стимулирования обращения подданных за защитой именно в королевский суд ст. 40 и 45 Хартии закрепили такие принципы королевского правосудия, как объективный, равный, законный, справедливый и скорый суд. Важное значение имела процедура, предусмотренная в ст. 55 Хартии, а именно учреждение особой коллегии (баронского совета во главе с архиепископом) для пересмотра дел и вынесения приговора (*judicium*) относительно всех денежных штрафов (*finis*) и взысканий (*amerciamenta*), которые были уплачены королю несправедливо и против закона страны («*injusta et contra legem terre*»).

В ст. 62 хартии объявлялось о всеобщей политической и уголовной амнистии (помиловании), что должно было сопровождаться выдачей «открытых удостоверений» («*testimonials patentes*»).

Во второй половине XIII в. стали появляться более совершенные формы уголовного законодательства. В особенности выделим такой формальный источник, как статут, который принимался королем в совете с органом, предшественником современного парламента²². Так, в правление короля-законодателя Эдуарда I (1272–1307), прозванного высокопарно «английским Юстинианом», был принят 31 статут, в результате чего система «общего права» приняла более завершённый вид. Именно в его правление достигла наибольшего успеха разработка общекоролевского уголовного права и практика антииммунитетных мероприятий. Например, первый Вестминстерский статут 1275 г. содержал ряд положений т.н. Общей части уголовного права (*general principles of criminal law*). Статут также четко отграничил круг тяжких уголовных правонарушений, входящих в категорию государственных преступлений («проступки против приказа короля и королевского мира»).

---

²² См. теорию вопроса: Богдановская И.Ю. Статут в английском праве: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1983.